

Расшифровка интервью

Дата: 24.06.2023

00:00:38

Родилась мама в 1921 году в Либкнехтовском районе Ставропольского края, в село Ивановка. А эта Ивановка, просто она сейчас слилась с Невинномысском. Вот тогда, в то время, в 1921 году, это был Либкнехтовский район. Ну, в паспорте написано так было, и я поэтому... Потом она до восьми лет жила с бабушкой. А бабушка у меня Бухн[я] Роза Михайловна. И они высланные были еще при царе, не высланы, а поселили их в Ставропольский край во времена Екатерины, когда немцев Екатерина приглашала. У бабушки единственный брат был Бухн[ир] Михаил Михайлович, а бабушка Бухн[ир] Роза Михайловна. И они девочек не учили, только учили мальчиков. И бабушка совершенно безграмотная была, ни одного класса не кончила, но «Роут» она писала. Потом, когда маме было... одна родила тоже, по наследству, без мужа родила. А потом 1921 год: то красные, то белые. И была единственная дочь у Розы Михайловны, у бабушки моей. И, когда ей было 8 лет, она вышла замуж, бабушка Роза вышла замуж за вдовца с тремя детьми: был мальчик 4 года — дядя Миша, и две взрослых уже, большие девочки уже, на выданье почти что. Вот, ну и мама так Роут стала, так-то она была бы Бухн[ер] по бабушке, а так она стала Роут. Всю жизнь они прожили до войны, а когда в 1941 году война началась, мама же уже взрослая была. А работала мама на почте, почтальонкой. Вот там же свой домик был у них. И там начальник почты, она молодая, красивая. И начальник почты: «Русских не выселяют, давай ты останешься здесь тоже». Ну и все, вот в итоге я получилась. А он ее, конечно, обманул. А про детство. Значит, когда был голод в 1933 году, 9 лет было маме. Не в 1931... 1921 плюс 9, сколько это? 1929 год. И уже голод начался тогда, страшный был голод. Это по разговорам, конечно, мама рассказывала, и бабушка [рассказывала]. Они сбегали от этого голода в Краснодар, в Среднюю Азию, бабушка плохо говорила по-русски, в Среднюю Азию. В Красноводск, через Каспийское море, они, значит, уехали в Красноводск, а потом в Среднюю Азию перебрались. И вот дочки эти две там остались, вот падчерицы бабушкины. Ну, а дядя Миша так с мамой и был. Ну, и когда там они были сколько-то лет... А здесь попросили соседку. У них корова была, когда они жили с дедушкой. А у соседки был мальчик, сын, такой подросток, ну басом говорил уже. И когда они приехали обратно, приехала мама, ну, мама с дядей Мишей и бабушка. А бабушка такая была бойкая, прям вообще. А чеченцы и в то время буйствовали, а там же рядом Чечня. И, значит, мама это все рассказывала, говорит: «Мы так боялись, так боялись!» Они хотели забрать эту корову, чеченцы. А дедушка почему-то задержался еще, дедушка Роут, который Роут, он задержался, а эти приехали. И в эту ночь чеченцы решили забрать эту корову. А корову они взяли, завели в дом, ну, в землянку, не дом был, а землянка, вот. Этот мальчишка говорит: «Сейчас», — басом мальчишка, пацан. Боялись все страшно, потому что они в окна стучали, в двери ломились. Говорит: «Сейчас я возьму ружье, сейчас я вас всех постреляю!» Ну, они, видимо, знали, что одни: дети маленькие и женщина эта. Но они не знали, что мальчик этот басом говорит. Они, говорит, испугались и ушли. И корова осталась у них. Вот они вернулись когда, и только мама, впечатление такое детское, ее впечатление, что хотели украсть корову, а они не дали. Но потом дедушка приехал, и все нормально, нормализовалось. Расскажите, что это был за дом, если мама вам рассказывала... Ну, знаете, дом был такой, вот как у нас потом был. Мама говорит, вот такой точно у нас был дом. Там не дом, а землянка. В таком доме в понятии дом не было а вот знаете как сказать вот я это это я знаю что как построили и Значит, ну, из самана или из чего-то там подряд комнаты. Вот заходишь кухня, например, с русской печкой, потом средняя комната проходная и передняя комната. И вот в эту вот кухню они завели корову, и эти, ну, мальчишку испугались. Вот. Мама рассказывала, значит, что она закончила 4 класса. В то время это было много, что ее на почту взяли доработать даже. Вот. Ну, написала. Ну, на немецком языке школа была. Там немецкий был поселок. Вот. И это самое... Ей, конечно, было трудно потом переучиться, она со мной вместе переучивалась. Я уже когда большая, ну, уже в школу пошла, она со мной вместе переучивалась.

00:05:17

Расскажите, что это был за дом, если мама вам рассказывала...

Ну, знаете, дом был такой, вот как у нас потом был. Мама говорит: «Вот такой точно у нас был дом». Там не дом, а землянка. В понятии «дом» не было, а вот знаете, как сказать, это я знаю, что и как построили. Значит, ну, из самана, или из чего-то там, подряд комнаты. Вот заходишь — кухня, например, с русской печкой, потом средняя комната — проходная, и передняя комната. И вот в эту вот кухню они завели корову, и эти, ну, мальчишку испугались. Мама рассказывала, значит, что она закончила 4 класса. В то время это было много, что ее на почту взяли работать даже. Ну, написала. Ну, на немецком языке школа была, там немецкий был поселок. Ей, конечно, было трудно потом переучиться, она со мной вместе переучивалась. Я

уже когда большая, уже в школу пошла, она со мной вместе переучивалась.

00:06:31

А что вы знаете вообще про жизнь этнических немцев там, в этом месте, в Ставропольском крае?

Все соседи были немцы, и их точно так же выслали прямо эшелонами за несколько часов, сколько-то 48 часов, или сколько-то, погрузили. И ничего не разрешали брать с собой, только самое необходимое. Бабушка, я же говорю, у меня шустрая была бабушка. Она мудрая и шустрая, и мудрая. Она не стала брать там всякие... Там особо и нечего было брать. Она взяла с собой теплые вещи. В Ставрополье же там тепло. А ехали, не знали куда, так она взяла стеганое одеяло, фуфайки, сундучок, я вот сундучок помню, сундучок какой-то там, с какими-то вещами. И, в общем, теплые вещи она взяла с собой, не зная, куда. Погрузили в теплушки и повезли, как скот. Мама говорит, на нарах солома там была настелена. И состав этот шел, когда... Это уже по разговорам. Я, конечно, этого не помню, но я в Кустанайскую же область. Я потом анализировала: там есть Апановка, станции по пути, Тобол, Атбасар. Вот это станции, и вот этот состав... Один вагон возьмут, отсоединят. А в разные вагоны людей селили. Семью разделяли. И вот эти семьи так разделенные были аж до 90-х годов. И совсем исчезли, потерялись семьи. Вот моя бабушка. Вот она. Ну, я, конечно, могла бы больше принести фотографий, где бабушка... Ну, бабушка, мама — копия бабушки. В итоге.

00:08:30

Расскажите про бабушку, какая она была?

Ой, бабушка была... Вообще молодец. Я вообще... Я всегда говорю, ей надо было жить вот в 1990 годы. Она коммерсант была. Такая вот, из ничего делала деньги. Представляете, вот такая вот бабушка была.

00:08:50

Ну-ка, подробности, пожалуйста.

Вот, возьмет рано-рано, ну, в Койбагаре тоже жила. Рано-рано весной, еще только снег сошел, она пьяниц наймет, они ей перекопают огород, и она посадит картошку. В июне, в июле у нее уже картошка, ранний сорт. И люди все, со всего поселка шли к бабке Розе. Ну, она тогда вышла замуж, бабушка, в то время. Кригерша. Кригерша, у нее есть картошка свежая. И дорого продавала. Ну, как дорого? Ни у кого нет, а у нее есть. Это только мелочи, так.

00:09:27

Вот она молодая, вот она молодая какая.

00:09:32

Это бабушка?

Это бабушка моя — бабушка Роза. Вот, когда они поженились. И тут год, но я не вижу, какой год, плохо видно. Но я помню, что мне было еще... Нет, я заклеивала. Вот это баба Роза, когда в Койбагаре мы жили. А мама вышла замуж в 1946 году. Не вышла замуж, а жить стали. Замуж они зарегистрировались в 1956 году, не в 1956, а в 1955, когда Сталин умер.

00:10:04

Расскажите еще про бабушку. Вы говорите, что она выходит замуж за вдовца, у которого есть дети. Как маме жилось в этой семье?

Маме с отчимом... Бабушка когда вышла замуж за дедушку, очень мирно они так жили с дядей Мишей. Дядя Миша помоложе был, ему 4 года было, а маме 8. Вот как раз они только поженились, видимо, и уехали, сбежали от голода. Очень хороший человек был, и маме комфортно было с ним. Они хорошо жили. У бабушки никогда больше не было детей. Одна мама. Ну, и когда выслали, и [то] дедушка, дядя Миша, мама и бабушка, все вчетвером они попали вот в этот Караман Кара-Сууского района, вот, Кустанайской области. Разговаривали они там, конечно же, по-немецки, и окружающие люди все были немцы. Там немецкие поселки, немецкие поселения были. И немцы, одни немцы. Вот потом же, я потом их видела, это односельчане бабушкины и мамины, которые тоже высланные, тоже в Койбагаре жили. Поэтому я прям вот говорю, как есть.

00:11:24

Так, а мама закончила 4 класса. 4 класса и потом... И дальше, как развивается ее жизнь?

Потом она вышла замуж. В 16 лет, ну, как замуж, тоже жизнь стала. По-моему, они венчались только. Это мне уже потом мамина крестная рассказывала, уже прямо много-много лет потом. Мама ничего как-то не рассказывала про себя. Вот, я что помню, вот это вот есть. А так она особенно не рассказывала. Ну, вот, а крестная ее тетя Фрося, мамина крестная, она говорит, мама выходила замуж. И фотографии были. Вот у Нинки, куда она делала фотографии, я не представляю. Там есть, где мама с этим своим мужем, который венчан. И тетя Фрося почему мне рассказала? Потому что смотрели фотокарточки, и тетя Фросия говорит, вот это, говорит, муж твоей мамы. Андрей Теслер, нет, не Теслер. В общем, какая-то такая фамилия. Вот. Теслер. Ну вот. И... Даже потом она жила несколько лет. Вот она молодая вышла замуж. И его в армию взяли, он до армии еще женился. Ну, как женился? Не регистрировались. А просто повенчались, видимо, в церкви. И она в армию к нему ездила даже в 1939 году. Он служил, а она ездила к нему в армию. Ну и все. А я не получилась. А получилось вот с начальником почты.

00:13:00

А можно эти фотографии, где мама юная?

Мама юная? Мамы нет юной, не взяла. У меня там была фотография одна, надо было тоже отлепить в альбоме. Она красавица, конечно, была, такая симпатичная. Вот здесь на этой фотографии я уже есть. И мама переболела тифом тяжело, в это время мама переболела тифом, но своего платья не было у нее. Нище жили, вообще нище. Она попросила кого-то сфотографироваться на память. Память осталась такая, я [на фотографии] маленькая. Единственная фотография, больше нет. Но когда началась война, маму же в сентябре выслали только, а война в июне началась. И маму гоняли, ну, она молодая, здоровая женщина. Она маленькая ростиком была, ниже меня. И молодежь, вообще всех людей, гоняли на рытье окопов. Обязательно. Она там, говорит, и мозоли были, и все было. Была она, работала на рытье окопов. А потом на почте работала, продолжала почтальонкой.

00:14:22

Что вы знаете о своем отце? Как вы получились?

О своем отце биологическом я ничего не знаю. Потому что так получилось, что мама работала на почте. Я могу говорить это? Работала на почте, а в то время те, у кого мужья русские, мои бабушки, двоюродные сестры, остались все там на месте. Новиковы, Пышновы. Они остались с детьми, и я ездила потом к ним после седьмого класса, с бабушкой ездила, поэтому я видела все это, помню хорошо. И вот отец мой биологический говорит маме, что давай будем жить, я на тебе женюсь, и тебя не заберут, не вышлют. А в воздухе было же, было же это же, витало в воздухе, все равно слухи ходили. Вот с маминым мужем не получилось, а тут получилось.

00:15:30

Так, расшифруйте, что получилось?

Ну, я получилась. А потом, когда ехали, вот когда... Приехали, привезли в Койбагар, в этот же, где потом мама всю жизнь прожила. Выгрузили с этих теплушек зимой, в декабре месяце. Долго везли, вот смотрите, в сентябре, в конце сентября, октябрь, ноябрь, в декабре привезли. Вот сколько везли, долго ехали. Ну, и выгрузили, и на санки. У кого теплая одежда была, слава богу, бабушка там маму укутала, дядю Мишу укутала. Все равно, и сами оделись как-то потеплее. А у людей, которые не предприимчивые, такие как наша Баба Роза, они на санках везут их, людей, никто там не смотрел. Замерз, упал, никто не смотрит. Упал и остался замерзший, и волки сожрали, а сани дальше едут. А сани на лошадях и на быках. Это я тоже помню: быки, волы рабочие. Мама говорила всегда: «Быкам хвосты, чтобы не крутило». Чтобы я училась.

00:16:53

Екатерина Павловна, а можем мы очень спокойно и подробно проговорить момент непосредственно вот этой высылки?

В 1941 году, когда началась война, немцев вообще всех переселяли. Да даже по всей стране же немцев Поволжья, отовсюду немцев — они же враги. Хохлы — они не враги. Вот это вы решите. Они были полиция. А эти что, вот такие... Мама такая была, боялась всего, такая тряслась. Я помню, она такая боялась рот открыть: плохо говорила по-русски. Они все немцы были. Со своими они нормально же по-немецки [говорили]. Говорю же, я маленькая, прекрасно все понимала, что они говорили. Среди немцев жила, но мы не разговаривали, со мной не

разговаривали. И я не знаю немецкий. В какой-то из дней... А, «приготовьтесь» — предупредили, что в течение 48 часов вас выселят, вас увезут на станцию куда-то там, где в Невинномысск, видимо, где эти теплушки были сформированы, составы. Ну, и сказали только самое необходимое взять с собой. Ну, я же говорила уже, что бабушка такая у нас была, молодец. В эту ссылку отправляется вот дедушка, Роут Иван Петрович, бабушка Роут Роза Михайловна, мама Роут Регина Ивановна и дядя Миша, который Роут тоже Михаил Иванович. Ну и все, и выслали четверых, выслали в Койбагар, привезли, выгрузили и на санки поселили в декабре, и повезли. Ну вот нас послали почему-то 60 километров от Койбагара. Туда, где я родилась, в районный центр Карасу. И вот при Карасу, прямо близко-близко-близко, я потом нашла, где это. Прямо это один поселок сейчас стал «Районный центр». А тогда было село Караман, но там не село. Село — это когда церковь, когда это, а просто поселок при районном центре. Ну, и когда посадили в состав, повезли, ну, конечно, условия были там очень хорошие, в кавычках. Привезли, а мама не знала, что она беременная, никто не знал. А привезли, когда уже, ну, долго же ехали. Вот, считайте, с сентября до декабря, конечно, она уже узнала, что беременная. И в июне я родилась. В Карамане в этом. И бабушка еще пока не высланная была, не забрали ее в трудармию. А к тому времени дяде Мише было уже 16 лет, 15 или 16, не помню точно. Ну, и когда я родилась, бабушку... бабушка успела мое свидетельство о рождении. Значит, раз нет отца, бабушка же не хотела, чтобы как у мамы. что прочерк у отца где. И бабушка свидетельство о рождении взяла и написала: мать - немка, Роут Регина Ивановна, немка; отец Роут Иван Петрович, немец. И я получилась круглая немка. Я, когда в 1996 году получила документы, чтобы репрессию оформить, я захохотала, а я прочерк поставила, я уверена была, что у меня прочерк. Чего это вы написали прочерк? У вас есть отец. Я захохотала, ну и ладно. Казахи, между прочим, очень хорошо относились к нам. И потом, когда уже я росла, очень хорошо относились к немцам. Правда, правда. Но там я не помню. Мама рассказывала, что где-то же жили они, я не знаю. Но я знаю, что вот я родилась, бабушка выписала свидетельство о рождении, успела. И бабушку Розу, и дедушку дядю Мишу в трудармию забрали. А дедушку Ивана Петровича оставили, потому что у него был открытый туберкулез легких. И вот водился со мной дедушка, вот этот вот Иван Петрович, мама на работу, называлась организация «Завод контора». Ну, там зерно привозили, в общем, мясо привозили, «Завод контора» называлась. Вот она работала в этой вот «Завод конторе». И, наверное, вот говорю годика три было мне. И маму взяли, это значит в 1946, в 1943, в 1945 году, перевели в Койбагар. Вот с этого она там жила. А дедушка умер. Прямо вскоре, вскоре умер. Как собаку бросили в могилу: зарыли и все. И ни свидетельства о смерти, ничего так и не нашли. В областном архиве не нашли. Бабушку забрали в трудармию, в Пермский край, Соликамск, что ли, не помню точно. Но они с дедушкой Мишей там были до 1946 года. В 1946 году бабушка вернулась. А мама такая была бесправная, такая безвольная! Она рот боялась открыть. У нее голос тихий был. И она всего-всего боялась. Но видят, что женщина с ребенком, перевели ее в Койбагар, потому что в Койбагаре станция, и отсюда со всех элеватор был. Не элеватор, тогда не было еще элеватора, а просто зерносклады были. И вот эти зерносклады погружали и на фронт отправляли зерно, какое там собирали. И вот маме дали, со мной же перевели в Койбагар, и дали такую комнатку, в землянке, под землей, я помню ступеньки эти, под землей, ну, там какая-то крыша была, я не знаю, в общем, я помню, что ступеньки были, три ступеньки, и налево сразу наша была комнатка. Там общежитие, да, типа общежития, и люди жили: там еще семья, там еще семья. У нас была маленькая-маленькая комнатка, топчан вот такой, доски, и вот такой топчан, и такой же столик маленький, печечка в этой же комнатке. Ну а чем? А бедно жили вообще! Я говорю, мама такая безвольная была, боялась всего на свете. А работала она с зерном. Вот в кармане принесет немножко, жменечку, и сварит вот эту пшеницу. Напарит ее в чугунок такой, напарит хорошо. Вот мы этим питались. Деньги, конечно, никто не платил. Какие деньги во время войны? Я даже помню, где она ходила отмечаться в комендатуру. Там нужно было каждый месяц ходить отмечаться, чтобы ты не убежал, чтобы ты никуда-то не делся. И вот мама так и жила. Жили мы в этой землянке, пока бабушка не приехала. В 1946 году бабушка. Но я помню, вот говорят, не помнит. А я помню. Ну как, если я помню? Интересно. Я же не с чужих слов говорю. А я вот... Стены помню, помню топчан этот, запах помню нищеты. Вот, ну то, что маленькая была, ну что же я, если я помню.

00:24:34

Расскажите о своих первых воспоминаниях, что еще Вы помните? И с каких лет Вы себя вообще помните?

Вот, я говорю с трех или с четырех лет, с трех, наверное. Вот это я помню, что мама в чужом платье, вот это я помню, что у нее такая бедная была, что... Бабушка, она такая шустрая была, она бы... Бабушка, когда приехала, мы зажили во! Когда бабушка появилась. А с мамой, когда жили, вот в нищете, прям в нищете жили. Мы же... немцы там кругом были. Ну, казахи хорошо относились к нам, особенно к детям. Прям они хорошо относились, вот правда. Я это помню, что всегда одна там была казашка бездетная. Она всегда меня прикармливала чем-нибудь вкусеньким. Ну, видела же, что, господи, нищета такая. Потом мы жили с мамой в этой вот земляночке, вот в этой комнатке. Потом, я это помню тоже, я это помню, темнота была. Мама

напарила этой каши. Ну, долго парила, видимо, чтобы там, чтобы можно было есть. А мне, видимо, я маленькая была, но мне тогда соображала уже, видимо, что мне до того надоела эта каша. И я взяла ее всю, а там окошечко было, ну, маленькое совсем. Я залезла на топчан на этот, на кровать, матрас соломой набитый, конечно, или чем-то там, не знаю. У нас постели даже не было. Какой-то мешок, и вот спали. И я залезла и размазала эту кашу на окне. Мама приходит, в чем дело, темно. Боже мой, и голодные остались обе. Вот так вот было. Но потом, помню это тоже, она меня привязывала, чтобы я не убежала, она привязывала ногу мою к топчану. Ну, на веревочке какой-то там, чтобы я не убежала, чтобы не искать.

00:26:43

Пока была на работе сама?

Конечно, целый день на работе. Но в «Завод зерно» я ходила к ней, с ней ходила. Эти бурты, такие, знаете, бурт? Такая куча зерна. Привозят на машине и вываливают. Вот такая, это бурт называется. И вот на этих буртах я, мама, и у меня никогда не было трусов. Мама, честное слово, мама говорит, я всегда переживала, а ты залезешь туда. Она переживала, чтобы туда не попала, чтобы инфекция не зашла. И помню в детстве меня... Как «бесштанная», «бесштанная» дразнили ребяташки. Ну, не было денег, чтобы купить.

00:27:30

А как вообще относились дети вашего возраста, постарше? Вы говорите, что в целом казахи к немцам неплохо.

Казахи хорошо, а вот сверстники, они вот интуитивно, что ли, фашисты звали нас, фашисты.

00:27:43

А помните какой-то эпизод, такой, очень задевший Вас?

Вот: «Без штанов, без трусов, ай-яй-яй», — пацаны дразнились. Как-то: «Катка ходит без трусов»... что-то я не помню уже какой-то этот. В общем, вот это я помню. Как-то не называли так, чтобы уж прям фашисты, потому что кругом в основном немцы. Но там были всякие. Были люди вот в нашем этом общежитии, вот в этом. Я помню, бабка жила, она по-украински разговаривала. Ну, видимо, из Новороссии. Не настоящая, а такая вот с украинским акцентом. Всякие люди были там, не только немцы. Вот я это помню. Чеченцы были, очень много чеченцев. Особенно, когда я в школе потом училась, уже постарше, очень много было чеченцев. Они такие жестокие были. Но это попозже, это уже в пятом классе. Ну вот, и жили мы, жили с мамой в этой землянке. И приезжает бабушка. Бабушка приезжает, радость такая, ой-ой-ой, а у нас негде даже положить бабушку. Вот один топчан, один стол и все. Но я не помню, куда. Но я только помню, что она приехала в пиджаке в таком: длинный пиджак черный. И в кармане у нее кусочек, кулечек Парварде. Это я потом узнала, что это Парварде. Я никогда в жизни не пробовала конфет. Никогда в жизни. А тут, значит, бабушка привезла, значит, эти конфеты. Ну и дала, конечно, я поела. Мне так понравилось. И я, значит, слышу, мама с бабушкой разговаривает и говорит бабушка: «Надо ее, а то вдруг плохо будет. Пошли ее куда-нибудь». Ну, я, конечно, убежала. Прихожу, а конфет нет. Сколько было горя, как я ревела, как мне понравились эти конфеты. Вкус помню до сих пор, честное слово. Но это я потом узнала, что это парварда. Тогда вот первые подушечки, не такая вот мягкая парварда, а с такими, с прослойками карамели. Вот такие подушечки были. Первый раз в жизни, в 4 года я увидела, почувствовала конфеты эти.

00:29:59

Как меняется ваша жизнь с приездом бабушки?

А бабушка приехала, но она, я же говорю, шустрая была. Во-первых, она пошла, я не знаю куда, но она добилась, нам дали другую землянку. Уже не в бараке вот в этом, тоже землянка: там четыре ступеньки вниз, но не совсем под землей. Там уже стены были какие-то над землей. И окно над землей. Тут-то прямо совсем маленькое окошечко. А тут уже, я не помню, каким-то образом бабушка добилась. И мы стали жить в этой землянке. Но тут мы зажили. Бабушка такая молодчина была. Где она брала, что брала – Насадят свеклы, и потом их в свекольный квас. Ну, она шустрая была бабушка. То договориться с какими-то, из Тургая, привезут рыбы мороженые, вот мешок целый, шуки. И уж этой рыбы мы ели вволю, сколько хочешь. Ну и все, и мы с бабушкой зажили. Тут уже мама окрепла, она же такая, она такая худая была, просто вообще худая, как не знаю что. А после Тифа, я это тоже помню, у нее вот кудрявые волосы стали, кудрявые, прямые-прямые волосы. И у нее волосы стали так расти, что потом выросли, вот с руку коса была. Вот, честное слово, вот такая прям косища выросла после Тифа. Сначала кудрявые стали, но она думала: «Я умру». Она тогда мне рассказывала, говорит, переживала, что не выживет, очень тяжелый Тиф был. Но она выжила, вот еще раз фотографировалась на

память. А вот бабушка, уже когда приехала, бабушка приехала, мы зажили тут с ней. А мама мне потом рассказывала, говорит: «Этого я не помню». Я говорю: «Господи, мама, где ты его нашла, вот этого Павла Трофимовича? Нехороший человек был. Как ты его взяла?» Ну, у всех отцы, а у меня нет отца. «Ты, — говорит — его привела за руку и сказала — это мой папа». В общем, я же бегала везде-везде, шустрая была. И у всех есть отцы, а у меня нет. Ну и я один раз посмотрела, а он меня прикупил: он меня чем-то угостил, конфетками или чем-то. Вот Павел Трофимович, который. И я его взяла: «Будешь ты моим папой?» Это потом мне уже рассказывали. «Буду», — он говорит. Но мама, видимо, понравилась ему. И я взяла его за руку и привела к маме, говорю: «Это будет мой папа». Маме сказала. Ну, а все потом стали жить вот так, семьей. Вот как здесь. Я только мотнула головой, я черная была. Волосы черные были. А тут мотнула головой, видимо, и такие светленькие.

00:33:05

Перечислите, значит, у нас здесь на фотографии кто?

На фотографии: Бабич Павел Трофимович, но потом бабушка Роза Михайловна, потом мама Роут, пока Роут, Регина Ивановна, ну и я, вот мне здесь 4 года. В 1946 году они не совсем поженились, в 1947 они уже стали жить официально, не официально, а так, просто в этой землянке. И в этой землянке родились еще две девочки, но они умирали, три, мама восьмерых рожала: Лиличка, Зиновья и Валя. Вот которая в справке, вот тут Валентина в справке в 1948 году родилась, они в 1946 стали жить, она умерла. Бабушка ее так любила! В младенчестве умирали, я помню, как умирали. Вот мама пришла Зиновью кормить с работы, пришла, кормит грудью, и она прямо на руках у нее умерла. Младенческая, говорили тогда, как судорога, посинела, посинела и все. Лиличка вообще две недели жила, мало совсем. В общем, мама рожала каждый год. Тогда аборт был запрещен, и мама рожала каждый год, начиная, как стала жить с отцом. Ну и конечно, [я] его сразу папа стала звать. Но сначала, конечно, он неплохо ко мне относился, я же маленькая была еще, но постарше... получала я хорошо. Но это попозже.

00:34:47

Расскажите, пожалуйста, еще: бабушка что-то Вам поведала о трудармии? Каково ей там было? Вот она приезжает из трудармии. Что-то про эту жизнь трудармейскую она рассказывала?

По поводу трудармии она говорила всегда: «Лучше не спрашивай, очень тяжело было». В Соликамске она была в трудармии, в Пермском крае. И говорит: «Лучше не спрашивай, — всегда говорила — было очень плохо, тяжело. Лучше не спрашивай». Я не спрашивала, потому что, знаете как, вот сидят, ну когда вот уже... А, еще в этой землянке еще когда жили, ну и приходили... а какие были развлечения? Сидят за столом немцы все, я их помню, вот по фамилиям помню точно. И, значит, играют в карты. Ну, естественно, про политику говорят, естественно. А я тут же кручусь. Меня подсылают к пальчикам и говорят: «Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово, вот то, что мы тут говорим, мы тебе язык вырвем и собакам выкинем». И вообще никогда ничего не говорили. Говорили вот про политику, а бабушка вообще ничего не говорила. «Лучше не спрашивай», — она мне говорила всегда. Точно так же, как и отчим. Про войну, когда начинали говорить, дети, уже его дети, стали спрашивать: «Лучше не спрашивайте ничего хорошего».

00:36:24

А когда Вы повзрослели, не возвращались Вы к этому разговору с бабушкой?

Бабушке Розе? Нет, нет. Как-то нет.

00:36:32

То есть Вы о ее вот этих годах в трудармии совершенно ничего не знаете?

Ничего не знаю, ничего не знаю. Вот, что знаю, то говорю. Вот, потом, значит, родилась Галя. Это вот после Вали родилась Галя в 1951 году. Уже Валя умерла, родилась Галя в марте. Ну, через 9 месяцев там. Она в 1949 году умерла, например, в 1948 году родилась, а в 1949 году умерла. И, значит... Галя родилась в 1951 году 12 марта. А бабушка, отчим и мама стали ходить в этом же поселке, там, знаете, такая, как бугор, не бугор, холм такой, глинистая глина, настоящая глина. И они ходили, вот в марте месяце, с весны как начали ходить, месили ногами глину, там глина, глина такая жирная, с соломой, и делали саманы, саман. Вот, я тоже помню эти, такая форма. И туда набивали вот эту вот смесь. А жара такая, и оно высыхало. Это как шлакоблоки. И вот из таких шлакоблоков земляных они строили, построили землянку, но не называется дом. Дом, когда это крыша, чердак, там все. А вот построили стены, отец в основном, вот такого типа, как у них на Кавказе. Бабушка говорила: «Как у нас дома на

Кавказе». Вот такая вот кухня, потом отец пристроил веранду еще, а так вот кухня. А, и с этой же, прям все под одной крышей. И дальше с этой веранды одна дверь в кухню, а другая дверь в сарай. И прямо под одной крышей сарай тоже, там скотину держали. И для скотины, для корма там еще другая была дверь, а тут только чтобы самим заходить. Вот, ну кухню построили, в общем, отец построил, я же еще маленькая. А Галя маленькая, вот мне сколько было? 9 лет, когда она родилась. Меня оставляли замкнут, мама прибежит в какое-то время, покормит грудью, молоко было у нее все время, она всех кормила грудью. Вот, покормит ее, там посмотрит, как тут, как что, как я управляюсь. А я управлялась, мне 9 лет было, я вынянчила ее. И уже в сентябре, осенью уже въехали. Стены построили, большое длинное помещение, и тут эти доски или балки на эти стены положили. Не так, а вот так немножечко. А тут земли опять накидали на эту самую — это землянка была. Ну, жили, много лет жили вот в этой землянке. И родилась Галя. Галя родилась еще вот в этой, в старой, где бабушка. Я не помню, каким образом мы переехали из этой комнатки в эту землянку, где уже отец стал с нами жить. А потом... Построили, Нинка уже родилась вот тут, в 1952 году.

00:40:00

Сколько у Вас вообще сестер?

Пять нас, пять, вот пять, везде пять. Видишь? Ну, вот сейчас я покажу сначала маленьких этих сестер. Вот они маленькие — это Галя и Нина. Какой же год тут написано? 1952 год. Нинка маленькая совсем еще, и Галя, с которой я водилась, с Галей. А тогда же фотографов не было. Это кто-то приходил и фотографировал, частник. И мама. А вот это тоже Нина и Галя. И Валя уже родилась в 1953 году. Нина родилась в июне 1952 года, а в 1953 году родилась Валя в сентябре. Но она родилась больная. Как больная? У нее ножка была, вот эту тачечку, тележечку, отец сам сделал. Она не ходила до трех лет. У нее ножка была одна такая худая, прям вообще. И там дырка такая была вовнутрь, в икре, что можно было карандаш туда засунуть, но я не засовывала, просто такая дырка была. Ну, ходили они, видимо, куда-то, не знаю. Это уже Валя, Нинка. Нинка родилась... Вообще мама чуть не умерла, когда Нина родилась, а всех рожала дома, в передней комнате. У нас была тетя Нюся Койнова, она фельдшер, но она имела право останавливать товарняк. Станция же. И когда Нина родилась... Нина родилась, когда... Ну вот она еще, вот это же я с ними, вот опять же. И когда Нина родилась, у нее не вышел послед. И началось кровотечение. Тетя Нюся, отец, помню, схватил мать и бегом на кольцовку. Тетя Нюся жезлом товарный состав остановила. А там, видимо, какое-то сообщение было, потому что на станции Кушмарун, 40 километров от Койбагара, там уже скорая ждала. И спасли маму. Она еще после этого еще родила. Вот Валю родила, еще и Надьку.

00:42:36

Екатерина Павловна, давайте вернемся к теме репрессий. Вы в каком году пошли в школу?

В 1949 году. Ну, и пошла я в первый класс, а в первом классе у нас же опять в землянке. У нас не было школы такой. Школа, значит, две парты. Первый класс сидит, детей не было, мало было детей. И две парты четвертый класс, а первый третий. Я помню имя и отчество: Екатерина Григорьевна, была у меня учительница в первом классе. Она, значит, первый класс занимается с нами, а этим заданием даст, третьему классу. Они занимаются сами по себе, потом она проверяет, потом с нами занимается. Тоже проверяет, мы же писали, там же раньше правописание было, палочки и все.

00:43:24

Скажите, это образование было на немецком языке?

Нет, на русском. Все на русском, дальше везде. Почему я не знаю немецкий? Потому что потом уже, когда мама вышла замуж, стала жить с отцом, только на русском. Бабушка долго-долго говорила с акцентом, долго-долго. Мама как-то быстро... Она моложе же была. И она как-то быстро перешла на... Без акцента она потом на старости говорила, вообще всю жизнь. Когда дед Павел Трофимович, [так] звали отчима моего, стали жить с нами, мама по привычке, по старому, по-немецки разговаривает, я все понимаю. Какие-то секреты, я все это понимаю. А в этой же землянке еще жили, вот тут, четыре ступеньки. Ну, а потом слышу, мама с бабушкой разговаривают: «Давай, Регина, будем разговаривать по-русски, а то Павлик думает, что мы про него говорим. Осуждаем там или что-нибудь, сплетничаем про него. Давай по-русски». И они стали говорить по-русски.

00:44:33

И вот таким образом немецкий язык ушел из этой семьи?

Ушел, ушел. Начисто, начисто. Девчонки, я так вот еще понимала много. В школе у меня хорошо было по-немецки. А у девчонок они вообще не знали немецкий, хотя мама немка.

00:44:49

Вы в школе когда-нибудь слышали в свой адрес какие-нибудь оскорбления на тему того, что вы репрессировали?

Да мы все там такие были, большинство было таких, поэтому нет, не было такого. Когда я пошла, ну вот, значит, с первого по четвертый класс я училась вот так. Значит, две парты первый класс, а потом вторая смена, в две смены учились. В первую смену первый и третий класс, во вторую смену учился, Михаил Прокопьевич был у нас учитель, второй и четвертый класс. Видите, я даже помню, на всю жизнь запомнила. Ну вот, и значит, тут второй класс, вот первый класс, потом второй, потом третий, ну, а потом четвертый. В этой землянке даже не повышалось, вот так, как было, так не добавлялись дети. Так вот, когда жили мы в этой землянке, которая четыре ступеньки, ну, я не помню, каким образом он оказался у нас, мальчик, Колька. А его родители, я думала, родители жили 7 километров от станции. Там водонапорная станция, не станция, а как, в общем, бассейн такой был огромный, водокачка, не водокачка, в общем, плотина. Вот там сточные воды собирали, родниковые воды, и снабжали, паровозы же ходили, нужно было, чтобы заправлять паровозы водой. И водопровод был проведен 7 километров оттуда, чтобы водокачка стояла, и чтобы заправлять паровозы. Ну, и вот этот Колька появился у нас, я училась еще в первом классе. Стал жить у нас. Ну, видать, родители договорились, что он будет жить. Пацан маленький, Господи, маленький такой, я такая вся плешивая. И, значит, вот этот Колька стал жить с нами. У нас бабушка, помню, возмущалась, говорит, ну надо же, ребенка, ну на полном государственном, конечно, у нас. Ребенка, говорит, на неделю отправляет, ну, к людям жить. Конечно, никакой оплаты, ничего. И говорит, даст вот такую маленькую кружечку масла сливочного на всю неделю. Бабушка, помню, возмущалась всегда. Ну и Колька жил с нами, у нас. Я в первом классе, а он в третьем. В одном классе в школу вместе ходили. Вот я такая плешивая, и он маленький такой, сморчок. Ну, и вот он пожил у нас, сколько? А, как мы переехали в ту землянку уже с нами он тут жил. Но все равно он все время возле нас крутился, всю жизнь. И вот это мой будущий муж оказался. И мы 61 год уже живем с ним. Не 61, а всю жизнь с детства. Знаете, как обидно, когда он меня обижает? Ой, прям не могу.

00:47:54

Обижает?

Конечно, еще как. Ну вот. Короче, потом, когда четыре класса я окончила. А училась в школе хорошо, у меня табель был: все четверки, а по поведению три. Одни четверки в табеле. Когда в ту школу, у нас была учительница такая противная. Вот этот Михаил Прокопьевич что-то ушел, а была Фения Михайловна. Она, значит, невзлюбила меня прям по-страшному. Ну, я такая была, конечно, стоило меня невзлюбить. Я такая шустрая была, вообще. И она мне взяла и поставила за год три ученика. Мама говорит, пошла к ней: «Фения Михайловна, ну что Вы, девчонка в другую школу поедет. Какое там мнение будет у нее [о ней]?» Ну, в Кушмурун, с Койбагара в Кушмурун. Там железнодорожный тоже, мама же на железной дороге работала. Там интернат был, школа хорошая. Я прямо вспоминаю с добром всегда эту школу, 57 [школа] в Кушмуруне, 40 километров от дома. Ну, и на выходной, конечно же, я рвалась: и на кольцовке, и на товарном поезде ездила, и на железной дороге, на таких пассажирских всяких-всяких. Попрошусь вот 40 километров, ну иногда за... А откуда у меня деньги? На кольцовках в основном. Вот когда я приехала в пятый класс, школа хорошая, но у нас не то, что в прямом смысле этот интернат. У нас типа общежитие, барак такой был. Школа нормальная, нормальные ученики учились все. И нас, вот этих вот детей железнодорожников, пристроили к этим нормальным детям. А все железнодорожники, железнодорожная школа, все богатые родители, там такие, форма, не форма, одежда, не одежда. Ну, мы, конечно, я так же, как и была нищая, так и была. И отец небогатый такой, всю жизнь этим охранником или кем-то там.

00:49:57

То есть какого-то ущемления по национальному признаку вы не чувствовали ни в одной школе, ни в другой?

Нет. Я не комплексовала, потому что я себя чувствовала русской. Если бы я там с акцентом говорила или что-нибудь, то бы я, конечно, может... А так, я не замечала. Что есть, то говорю. Я помню, когда Сталин умер. Ой, это я как раз дома была почему-то. И я рыдала. Правда, я помню, что мне так было жалко. И сигналили, все поезда встали. Эти паровозы, тогда же тепловозов не было, паровозы так сигналили, траур такой был ужасный. Я помню, какого-то марта 1953 года, 5 что ли, не помню точно дату.

00:50:50

А Вы помните реакцию родителей на смерть Сталина?

Перекрестились, я помню, перекрестились. Они некрещенные были, чтобы так, крещенные, но слава богу. И сразу, и вскоре, прямо вскоре, комендатура, значит, нас сняли с учета. Вот. И, значит, свободно можно было ездить. И, в общем, уже стало совсем по-другому. Пятый, шестой, седьмой класс. Шестой. Пятый, шестой класс я училась в Кушмуруне. А в седьмом классе у нас открыли школу в Койбагаре. Ну, конечно, кто мне... А, еще вот, там за то, что, ну, за кормежку, видимо, платили. Кормежка была, Господи, макароны одни, картошка, там не особенно кормили. И за других детей, вот, кто состоятельный, а у нас многосемейная, многодетная семья. И я еще хорошо училась. И мои родители вообще не платили за меня, вот за школу, когда я в Кушмуруне училась. Мама всегда хвалила: «Какая ты, Катя, молодец, какая молодец». Все-таки, ну, это же тоже, какие деньги, ну, деньги. А кто учился плохо, вот даже многодетные, а плохо учился, те платили все равно. А я, мне мама: «Ой, какая ты молодец, учишься хорошо и платить не надо».

00:52:28

Нам нужно как можно больше сфокусироваться на теме именно репрессий и так далее. Вы говорите, перекрестились родители после смерти Сталина. А вообще какие-то разговоры о политике, о власти?

Нет, в доме, может, и велись разговоры, но я их мимо ушей пропускала, потому что я побоялась. Как с маленького возраста мне сказали, что язык вырвем и выкинем собакам, и я даже мимо ушей пропускала, клянусь. Даже когда говорили, я ничего не слышала. Вот мимо ушей, мимо, мимо, мимо, правда.

00:53:02

Как вы можете объяснить вот такую реакцию родителей на смерть Сталина?

Ну, что, вроде, хорошо было. При Сталине, помню, бабушка, она же у нас, говорю, шустрая, был обязательный налог. Обязательный налог, продовольственный обязательный налог. Если ты держишь корову, а мы держали в то время, в этой землянке, мы держали корову, ну, благодаря бабушке, конечно. И теленок был, и кур держали. Я не помню, где сарай был, но сарай был, держали скотину. Если ты держишь корову, ты должен сдать 20 килограмм масла. Так бабушка, где столько 20 килограмм масла? Она пойдет в магазин, купит вот этот ящик 20 килограмм и сдаст продналог. Вот это обязательно. И яиц сколько-то тоже, но она там собирала, собирала. Не себе, а сдавали. Обязательный налог был. А отменили, как Сталин умер, сразу отменили налог. Но зато я помню, когда Сталин был, это я помню тоже, делали снижение цен. Вот не помню в какое время, но было, помню, снижение цен капитальное. Прямо много снижали цены, снижение цен. Потом после этого промежутка никогда не было снижения цен. Но при Сталине, вот это я помню, что снижение было цен хорошее такое. Бабушка всегда говорила: «Ну надо же, ну надо же, такое хорошее снижение цен». И то могли купить, и то могли купить.

00:54:52

А вот по поводу налога. Действительно очень тяжелый быт в связи с тем, что он существовал. Как-то бабушка негодовала, может быть, что-то говорила про политику, про власть?

Говорила. Тогда рот закрыт был у всех. Боялись люди, потому что знаете что? Это был уже 1947 год. Это я помню, 5 лет мне было. И вот когда мне сказали, что язык выкинем, даже в 1947 году еще людей, кто-то даже доложится, например, даже он не говорил, или кто-то услышал где-то, и скажут на него, что ты взял, сажали. Тогда в 1947 году еще сажали, поэтому все боялись, особенно наша категория. Категория репрессированных — самые бесправные были вообще, нищие и бесправные были. Боялись, говорю же. Отец, значит, решил, ну, уже обжились они тут с бабушкой, с мамой, дети рождаются. Не помню, какой год был, но еще Сталин живой был. А он был, раз он настолько лет старше, ему 42 года, конечно, у него семья была в Крыму, в Феодосии. Ну, и он решил поехать. А там был мальчик такого возраста, как я, Коля, маленький самый. И взрослые дети остались. Ну, самый маленький, вот самый маленький оставался. Какие алименты, конечно. Нет, он алименты платил. Алименты, помню, он платил. Мама говорила, вот перестал отец платить алименты. Значит, купили мне что-то там, Коле, алименты платить. Ну, вот отец собрался, поехал, поехать собрался. Одели его в хорошую одежду, в самое лучшее. Ну, что было из одежды. Купила бабушка еще ему шапку хорошую, помню, шинель у кого-то там скупили, своя уже плохая была, шинель, сапоги. В общем, короче говоря, отправили его. А он говорит: «А я возьму Катю с собой». Ой, сколько счастья было, сколько было счастья. Я это помню. Вы представляете, пришла на вокзал, я собрала себе котомочку. Ну кто меня, как мне потом сказали: «Ну кто ж тебя пустит, ты же в

спецкомендатуре числишься, кто тебя возьмет?» Он просто ведь сам не захотел брать. Просто так, я думаю. Но я мечтала поехать. Ты что? Ой, ой.

00:57:35

То есть он пообещал, но это не случилось.

Слава богу, что я не поехала, что меня не взял отец с собой. Долго ездил, долго ездил. В общем, уехал еще в шинели, в тепле, а приехал уже осенью. Ну, долго-долго. Приехал туда, а там его прямо с такими распростертыми объятиями приняли! Бросил семью и, значит, приехал, явился. Его так избили старшие дети, старшие сыновья. Страшно, вообще страшно. Ну и выгнали. И он добирался, чем придется: денег нет, ничего нет. И одежду свою всю эту... Потом ночью, это я помню, стучится кто-то тихонечко. В общем, он добрался домой в подштаниках в одних и в рубашке нижней. Вот. И вообще, помню, бабушка так возмущалась.

00:58:38

Когда Вы уже прям повзрослели, и мама была пожилая, Вы к этой теме возвращались, к теме репрессии? Вы обсуждали с ней?

Нет. Вот она рассказывала кое-что, например, вот она это рассказывала, что вот эти составы отцепляли, вот вагоны отцепляли, когда через много лет люди соединялись в семьи. Вот это она рассказывала. Ну и что еще? Вот здесь вот бабушка, отец, мама, ну, и я с мужем вот с этим своим и сыночком, которому сейчас 59 лет уже, сыночку. Но это Галя, это Нина, это Валя, это Надя. В 1956 году еще родилась дочка одна. Любимая отцова дочка. Мы все постольку, поскольку. Но он как-то вообще все равно: «Катя, Катя, моя дочка», — всегда говорил.

00:59:32

Итого сколько вообще сестер? Пять.

Вот пять. Раз, два, три, четыре и пять. Я — вот она.

00:59:41

Скажите, пожалуйста, а вот в 1953 году, Сталин умирает, как-то ваша жизнь меняется или нет? То есть вы больше можете не стоять на учете, не отмечаться и, собственно, передвигаться так, как вам заблагорассудится. Какое решение вы принимаете после смерти Сталина, ну, родители?

Вот в то время, когда Сталин умер, тогда уже можно было возвращаться домой, как бабушка Роза говорила. Домой многие уехали, туда в Ставрополье. Подружки мои, родители уехали туда. А наши... Ты что, отца разве тронешь с места? Ни за что, нет, нет, нет. Они в Койбагаре жили до 2001 года. Когда сняли с учета спецкомендатуры, конечно стало облегчение. Конечно, можно было ездить. Меня-то не коснулось, а вот кто учился, кто постарше меня, им не разрешали в институт поступать. Не разрешали, пока не сняли этот запрет. Меня не коснулось, я еще маленькая была.

01:01:00

А теперь самый финальный вопрос. Оглядываясь на весь этот опыт, на опыт переселенцев, что Вы можете сказать? Как Вы можете подытожить эту историю Вашей семьи?

Вы знаете, не дай Бог никому, правда. Хотя в то время жили все бедно, вообще все люди бедно: немцы или русские. Это же такая несправедливость — с насиженных мест взять и вышвырнуть людей, не знаю куда. А сколько людей погибло, ужас, да? Я считаю, что это неправильная политика была.

01:01:39

А обвиняете кого-то? Не кого-то, а конкретно.

Ну, конкретно Сталин, конечно, правительство наше, Сталин. Зачем же, зачем было? Говорю же, проговорила, что полициями-то кто работал? А немцы, ну что, помогали бы что ли? Господи. Говорю же, моя мама там боялась всего. Тихий голос был, всегда говорила тихо-тихо и боялась всего на свете.

01:02:10

А какая мама еще была? Вы говорили неоднократно, что безвольная, боялась всего.

А если [говорить] о каких-то чертах или ваших взаимоотношениях, какой маму запомнили?

Запомнила доброй. Она любила меня. Моя мама всегда жалела, и я говорила: «Мама, ну зачем ты нарожала столько детей? Мы бы с тобой вдвоем жили как бы хорошо». Но я не говорила «ты», у нас было так принято: все приучены были «вы». Это уже девчонки когда родились, стали на «ты» называть. А в то время я «вы» называла родителей, и все называли так. Конечно, добрая. Мама есть мама.

01:02:54

Спасибо Вам!

Да не за что. Она правда очень спокойно умерла. Она любила мороженое сильно. Уже уход хороший был, уже хорошее отношение было — две недели перед смертью. Любила мороженое сильно. Нина сходила в магазин, купила мороженое: ей дала и сама. Мама еще перед смертью поела то, что любила, — мороженое.